

так же, как, например, белорусск. лапiкля "заплата" (ср. белорусск. лапiць и лит. loryti "чинить") не могло быть исконно славянским словом, ибо оно построено по балтийской словообразовательной модели.

II. Варианты кувиклы и кугиклы отражают либо поздние колебания в самой звукоподражательной основе (ср. укр. кувик - кугик "сова"), либо колебания в процессе передачи звуков чужого языка (ср. белорусск. рэзвiны и рэзвiны - из лит. rėzgivėn "плетеное приспособление для носки сена").

12. Ареал рассмотренного выше балтизма крайне интересен в том отношении, что пояс, образуемый Брянской, Орловской и Курской областями, как бы охватывает с юга Смоленскую, Калужскую и Тульскую области. Разумеется, учитывая возможность сравнительно поздних переселений, на основании одного рассмотренного примера нельзя делать далеко идущих выводов о прежней границе расселения балтов на востоке. Однако более тщательный и, по возможности, исчерпывающий анализ диалектной лексики данного ареала, быть может, позволит несколько отодвинуть эту границу еще далее к югу от Москвы.

В.Н.Топоров (Москва)

ГОЛЯДСКИЙ ФОН РАННЕЙ МОСКВЫ (О балтийском элементе в Подмосковье)

I. В прежних работах было показано, что все междуречье Москвы и Оки было областью распространения балтийской гидронимии (исключая самый восточный угол, за устьями Пахры и Лопасни,

где резко возрастает гидронимия финского типа; за пределами Московской-Окского междуречья примеры балтийской гидронимии встречаются реже, и, главное, они менее надежны). Важное методологическое значение имеет то обстоятельство, что граница между гидронимией балтийского и финского типа в Подмосковье вполне определена и уже определена в достаточной степени, тогда как границы между ареалами балтийской и славянской (русской) гидронимии установить не удастся. Реальная граница между этими элементами здесь заменяется соотношением следующего типа: балтийские названия могут иметь и крупные (в масштабе Подмосковья) и мелкие реки, тогда как славянские названия закреплены только за мелкими реками (причем вторичность, более того - поздний, а в ряде случаев совсем недавний характер этих названий - вне всяких сомнений). Некоторым исключением из этого распределения является Москва. Как отметил еще М.Н.Тихомиров, "...тут мы встречаемся с одной особенностью, характерной для московской территории. Именно на узкой московской территории мы встречаемся и с мелкими (разрядка наша - В.Т.), носящими непонятные для нас названия... Их оставил неизвестный для нас народ".

2. Балтийский контекст древнего Подмосковья нельзя упускать из вида, когда речь идет и о самой Москве. Более того, в связи с Москвой, ее основанием и, видимо, первыми десятилетиями ее существования необходимо считаться с вполне реальным и конкретным балтийским этническим элементом в Подмосковье и к югу от него, а именно с голядь ю русских летописей. Подробно удивительная история галиндов (ср. Γαλινδα Птолемея) рассмотрена в другом месте. Здесь уместно лишь сослаться на наиболее

правдоподобную теорию появления голяди в южном Подмосковье: распад возникшей в конце II в. до н.э. в Припятском Полесье и смежных с ним районах зарубинецкой культуры с ее почти бесспорным западнобалтийским характером вызвал на рубеже I-II вв. н.э. филиацию носителей этой культуры далее к востоку, в левобережье Верхнего Днепра и в бассейн Верхней Оки, где и сложились почепская и мощинская культуры, совпадающие с ареалами западнобалтийской гидронимии (Седов В.Н.). В высшей степени показательны соответствия между галиндо-прусской и верхнеднепровско-окской

("голядской") гидронимией. Ср. соответственно: Kubra - Кубрь, Wuuse - Взынка, Визенка, Skarde - Скородинка, Metē - Метелка, Nida - Нидалька, Mals - в Malsowangus - Малшинка, Молшенка, Nar - Нара, Lama - в Lamasila - Лама, Inacus - Иночка, Lubano - Лубянка, Russe - Рус(с)а, Raducken - Радуча (ср. также прусск. ape "река" и рефлексы этого слова на голядских землях).

3. Историки Москвы не обращали должного внимания на то, что первое упоминание о Москве относится к тому самому II47 г., под которым в Ипатьевской летописи упоминается и голядь (верхъ Поротве; к этим же местам относится и более раннее сообщение о том, что "побѣди Изяславъ голяди"). Два княжеских похода против голяди в течение 90 лет, предшествующих первому летописному упоминанию Москвы, дают возможность оценить (хотя бы в общем виде) значение подмосковной голяди для раннемосковской истории. Наличие двух бесспорных этнических элементов в Подмосковье (славяне и голядь) сопутствовало еще одно важное размежевание: Москва возникла в земле вятичей и была по происхождению вятическим городом, крайним западным форпостом ростовско-су-

здальских князей; на юго-западе к Подмосковью примыкали владения черниговских князей, и голядская Протва была крайней северной периферией черниговских владений, а укрепленным центром этой окраины был Лобынск, стоявший в устье Протвы и фигурирующий в контексте первого упоминания Москвы. Судя по этому сообщению, Лобынск оказывается пограничным пунктом, откуда открывается прямой путь с юго-запада на Москву; вместе с тем Лобынск контролировал всю территорию по Протве, которая в это время не только была заселена голядью, но и нуждалась в ее усмирении со стороны князя Святослава (II47 г.). Неслучайность упоминания голяди на Протве, более того - устойчивость голядского слоя в этих и смежных местах подтверждается фактами разного рода: в о-п-е-р-в-ы-х, обилием балтийских названий в бас. Протвы и на смежных территориях (Чичера, Карженка, Докня, Алекса, Смердка, Журишка, Истирна, Четверже, Восенка, Картынка, Салинка, Ситинка, Нара, Наренка, Заденка, Вормишка, Серпея, Серпейка, Таруса, Ворченка, Колочь, Дугна и др.); в о-в-т-о-р-ы-х, распространением в этих же местах и, - что особенно показательное, - в районе самой Москвы названий, сохраняющих этническое имя голяди (ср. вкратце: Голяди, речка и урочище у Николаевского Угрешского монастыря, на юге Москвы, Голядь, Голядянка, Голядинка, Голединья, речки в бас. Оки и - уже - Москвы; Голядины отвершки, Голяди, Голяжье, Взголяжье, Голичицы, Голятино, Гаятино, Голожин, Галичи, Галичье, Голдино, Голодково, Гледково и др.; в т-р-е-т-ь-и-х, долгое время сохранявшимися в этих местах преданиями о голяди (так, еще в начале XX в. в Мещовском у. Калужской губ. бытовал рассказ о разбойнике по имени Голяда, жившем на горе и упражнявшемся в бросании топора, иногда речь идет о двух

братьях Голядях; в связи с этим ср. около Нидборка место по имени Gora Galindzka связанное в версии С.Грунау, с сыном Ви-девута по имени Galindo, Galindus, а также балтийские и белорусские предания о богатырях, перебрасывавшихся камнями или каменными топорами и иногда превращавшихся в камни или каменные горы). В связи с Nom. propr. Galind-, засвидетельствованным в прусском ономастиконе, ср. в старопольской традиции Golan-
din, 1065 (= *Goledzin), Golanda, 1458 (= *Goleda), Goledzynowsky,

1449 и др. и в русской традиции Голядов, 1570 (Москва!), Голядко, 1651, Голядкин, герой "Двойника" (об отражении "голядской" темы в этом произведении и ее предпосылках см. в другом месте). Примерно в тех же местах в южном Подмоскowie отмечено этнонимическое название Прусы. Интересно, что жителей с. Курша в бас. р. Пира местное население называет литвой некрещеной, куршей головастой (Смолицкая Г.П.).

4. Голядский топонимический элемент, окружавший Москву, в середине XII в. имел свое соответствие в голядском этносе по Протве, с которым приходилось считаться как киевскому князю, так и ростовско-суздальским князьям. Очень вероятно, что балтийские древности самой Москвы (ср. гидронимы типа Ауза, стар. Ауза, Чериянка, Пресня, Сетунь, Химка, Чертаново, Чура, Варгуниха, Ку-
дрино, Бубна и т.д. или даже калькированные названия типа Чече-
ра (река, протекавшая по Гороховому полю; ср. и.-евр. kiker- "горох", лтш. kekars, sesers ит.п.); имена, связанные с первоначальниками Москвы - Букал, Кучка; устойчивость балтийской темы в раннемосковской истории - родоначальник Прус в текстах, относящихся ко времени сложения концепции Москвы - третьего Рима, и т.п.) непосредственно должны объясняться именно

из голядского элемента, выступавшего в Москве одновременно и как субстрат и как адстрат по отношению к обоим потокам славянской колонизации в Подмоскowie. Раскопки Троицкого городища на р. Москве, в 17 км выше Можайска, с несомненностью обнаружившие присутствие балтийского элемента в Подмоскowie, еще более утверждают в предположении о возможности конкретной реконструкции балтийского этнолингвистического и культурно-исторического элемента в этом ареале.

В.Н.Чекман (Вильнюс)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАБАЛТОСЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ

1. Результаты древнейших фонетических изменений, охвативших некоторые диалекты праиндоевропейского языка и отдельные индоевропейские языки на ранних этапах их развития, отражены в балтийских и славянских языках непоследовательно. Наряду с преобладающими в количественном отношении сатемными рефлексами и.-е. *k̃, *g̃, здесь отмечены заднебные k, g; и.-е. слоговые плавные представлены сочетаниями ir и ur (где r - любой сонорный), *v после i, u, r, k обычно переходит в прабалтославянском в *ṽ, но в некоторых случаях оно сохраняется; и.-е. *ō в одних лексемах представлено как uo в балтийских языках, а в других его рефлекс не отличается от рефлексов и.-е. *ā, как и в праславянском.

2. Сложилась устойчивая традиция объяснять перечисленные непоследовательности различного рода фонетическими причинами.